

Павел НИЛИН

О ТОВАРИЩАХ,

«Меня всегда интересовали и продолжают интересоваться писатели, — заметил как-то П. Ф. Нилин. — Причем всякие. И те, которых называют знаменитыми, и те, которых признают плохими. Меня интересуют люди, как бы совершающие попытку создать свой собственный мир и действовать в нем реально». Писатель не преувеличивал. С молодых лет он привык видеть в товарищах по литературному цеху людей, избравших одно из труднейших, изнурительнейших занятий на свете. Соответственно, его отношения с коллегами отличались уважением, доброжелательностью, готовностью прийти в восхищение, учтивостью. Публикуемые сегодня заметки, извлеченные из архива П. Ф. Нилина, представляют собой размышления о литературе, товарищах по ремеслу.



О ЛИТЕРАТУРЕ

Писателю, по-видимому, должны быть знакомы все чувства. Некоторые из них, однако, нужно преодолевать. В первую очередь — страх. Надо, по возможности, развивать в себе способность видеть правду.

«Души прекрасные порывы» — эти пушкинские слова точнее определяют то, что называется поэзией и что, в конечном счете, устойчиво отделяет нас от остального животного мира, возвышая и открывая в самом волшебном и фантастическом смысле.

В мире, однако, распространено ошибочное представление, что поэзия и стихосложение почти одно и то же.

Высокое чувство поэзии может быть иной раз присуще в большей степени так называемым простым, даже не очень грамотным людям, чем профессиональным и даже известным стихотворцам.

Нет особого открытия и в том, что нередко писатели, пишущие прозой, больше поэты по самой сути своих сочинений, чем те, что старательно нанизывают рифмованные строчки.

Поэзия величественно, величаво способна входить и входит в каждый дом, касаясь сердца каждого из людей, наполняя нас предчувствием чего-то неожиданно чудесного, равного надежде на счастье, на бессмертие жизни.

Что касается меня, то в мою жизнь поэзия вошла раньше, чем я узнал, что она называется поэзией. Она вошла, как, вероятно, и в сознание всех других людей, вместе с песенкой матери у моей колыбели и не угаснет у борта могилы...

Читая С. Маркова. Иной раз я с грустью думаю, что в нынешнее время уже не ценится чистое, точное, выразительное письмо. Критики в большинстве случаев охотно пересказывают содержание романов и повестей своими — отнюдь не впечатляющими — словами и редко разбирают, ощупывают, исследуют самую ткань сочинений.

А ткань-то эта и составляет едва ли не главное. А разве не соблазнительно проанализировать, как пишет Сергей Марков? И Ф. Абрамов. И Ю. Трифонов. И М. Родин. Такие статьи были бы интересны многим, были бы интересны и мне. Вероятно, критики пишут о содержании, напуганные формализмом. Отдают первенство идее произведения.

Но, чтобы донести идею, нужна форма, увлекательное повествование. Нужен талант от бога. Но поскольку бога, возможно, нет, то тогда скажем так: мастерство.

Литературным критикам следовало бы в первую очередь писать о мастерстве. Вероятно, в интересах нации надо как-то оконтуривать хорошего писателя, то есть выявлять его особенности и круг содеянного. Это полезно и для общества, и для писателя.

Едва ли не более важно, чем готовить и обучать писателей в специальных учебных заведениях, едва ли не более важно, я хочу сказать, — учить читателя воспринимать литературу. В обучении читателя художественной и всякой иной литературы, может быть, и заключается главная задача культурного воспитания.

Что же такое интеллигент? Чехов — интеллигент. Мы не хотим вникать, позволяем себе высказывать суждения, не позаботившись выяснить для себя, на каком ос-

новании мы это говорим. Повторяем слышанное или то, что прочли в газете. А интеллигент — это тот, кто считает, что обязан думать, проверять, доходить до сути. Который считает, что обязан уметь думать.

Был солдатом. Стал маршалом. Удивительно. Но, однако, не удивительнее ли, как, каким образом мальчик Чехов становится писателем Чеховым? По капле выдвигая из себя — по выражению Чехова — кровь раба. Вот процесс, способный поразить воображение.

Уже в двадцать лет меня угнетали воспоминания. Мне хотелось освободиться от них, рассказав о том, что я помню из времени своего детства...

...— Какой стойкий человек Маргулис, — сказал как-то Корней Иванович Чуковский.

— Какой Маргулис?
— Парикмахер при клубе писателей.
— ?
— До сих пор не вступил в Союз писателей.

Корней Иванович говорил еще так: «Я, конечно, не очень доволен тем, что сделал в жизни. Много времени, особенно в молодости, отнимала поденная работа. Нет, я не считаю, что такая работа для денег только вредна. Занимаясь ею, чему-то, конечно, научаешься. Гораздо хуже то, что у меня не было, так сказать, замысла жизни... Это говорил знаменитый, всеми уважаемый Корней Иванович...»

О К. Виноградской. По ее сценариям поставлены фильмы: «Обломки империи», «Партийный билет», «Член правительства»... Ей было около восьмидесяти. До последнего часа жизни она, однако, как бы игнорировала этот, казалось бы, существенный факт. Слабое зрение — она продолжала работать. Еще за несколько дней до смерти невероятным напряжением воли писала сценарий: Комедию. Написала и отправила на студию. И, как в молодости, волновалась, ожидая ответа. В бытовом и материальном смысле непрактичная, излишне — когда к тому была возможность — щедрая, Катерина Виноградская жила, скажем кратко, по-всячески, никому, однако, не завидуя и ни на кого долго не сердясь... Что же сказать еще — теперь, когда она умерла? Может быть, я не прав, но мне всегда казалось, что даже самые блистательные из сценариев Катерины Виноградской не выражали в полной мере ее необыкновенной одаренности.

Ах, как захватываем, занашиваем, вываливаем в пыли слова! И беремся за другие. Впрочем, так было всегда, иначе и не может быть. В штампы обращаются либо в самом деле удобные обороты, либо особенно удачные. Скажем: «Смерть взглядом» — это ведь и точно, и коротко, но, к сожалению, затрепано.

Главное все-таки сюжет. И надо крутить его так, чтобы все время волновать душу читателя, так, чтобы типические детали все время проступали наружу, чтобы читатель узнавал своих близких знакомых, тех, с

кем пил, ел, ссорился, кого любил и ненавидел. Страх, смех, жалость — вот это прежде всего. И ничего лишнего. Все лишнее отбрасывать с беспощадностью.

Я думаю: юмор, драма, любовь — вот подоснова серьезных сочинений.

Как я пишу? Я пишу, в общем, легко. В том смысле, что почти никогда не ищущ слова. Слова, так сказать, приходят сами. Дело не в словах, дело в расстановке слов.

Говорят, надо выводить типические характеры. В общем-то, конечно, надо брать характеры небанальные.

Вопрос: нужна ли молодым творческая помощь писателей старшего поколения?

Ответ: никто не помогает улитке носить ее домик...

Я бы, пожалуй, диктовал стенографистке, если бы не считал, что все-таки следует писать от руки, что только когда пишешь от руки, можно написать, как это говорят в Сибири, подходяще, соответственно тем нормам, которые приняты в настоящей литературе.

Вопрос: как вы понимаете сочетание традиций и новаторства в творчестве советского писателя?

Ответ: по недостатку образования, что ли, я никогда не задумывался над подобными проблемами. Пишу, как могу. Стараюсь писать интересно и не очень длинно.

Конечно, сюжет есть один из способов исследования жизни общества, на нем покоится беллетристика. При всем том некачественный читатель, следящий только за сюжетом, прочитывающий книгу бегло, в общем, мало извлекает из нее и, пожалуй, даже не способен получить большого удовольствия от чтения.

Из письма. Многих прозаиков — не только у нас, в нашей стране — ввел в заблуждение Хемингуэй своим изумительно простым диалогом. Впрочем, речь не о Хемингуэе и его простодушных эпиграмах. Литература, как я теперь начинаю догадываться, возникает из неудержимого желания какого-то человека поделиться с другими людьми чем-то удивившим его, им выстраданным, понятным. И только после того становится ясным, ЧТО надо сказать, целесообразно подумав, КАК это сказать, выразить, изложить.

Разделяю и, в общем, могу рекомендовать следующие правила:

- будьте влюблены,
- пишите постоянно,
- не ленитесь смотреть кругом и деятельно — по крайней мере в молодости — участвуйте в жизни,
- общайтесь с хорошими писателями — важно убедиться, что достижения, даже при больших способностях, требуют усилий,
- не теряйте времени,
- читайте,
- не ставьте себе задачей рассказать именно о себе,
- не избегайте разлечений,
- молчите: на разговоры расходуется творческий дух.

Хемингуэй — один из самых блистательных писателей. Он пишет сейчас, я бы сказал, чище всех. Он придумал собственную манеру письма. Великолепно изборажает людей, что называется, не трата лишних слов. Однако Хемингуэй не указывает читателю новых путей в этом потрясенном мире. В отличие, скажем, от Льва Толстого.

Часов с пяти утра делаю беспорядочные записки к роману, и они уже укладываются в главы. Потом иду в котельную, выпускаю на холод (а то угорит) собаку, кормлю ее, завтракаю сам. И все — в блаженном состоянии счастья. Может быть, все-таки напишу? За окном все завалено пушистым снегом. На ветках сирени качаются снегири. А старую сосну обрабатывает красной дятел в малиновых брюках, очень довольный собой, как я — сегодня... Вдруг, делая эту запись, начинаю задыхаться, как от быстрого бега...

Из интервью. Да, да, пожалуйста, так и отметьте для себя: говорит с уверенностью, полон самых радужных надежд, хотя уже очень стар и его часто лимитирует нездоровье...

Подготовка текста и публикация
М. ЮФИТ